

П. А. ГАРВИ

Воспоминания

<Фрагменты>

Вена была в то время не только столицей Габсбургов, но и столицей Троцкого. Почти вся — правда, небольшая, колония русских с. д. эмигрантов находилась под влиянием Троцкого. У него был и свой «двор». Он состоял из особо приближенных лиц: С. Семковского (С. Ю. Бронштейна)¹ и его жены («Ирека Извольская»), А. Иоффе и Матвея Ивановича Скобелева²: он уже тогда умел создавать между собой и своими соратниками «пафос дистанции». Его боготворили и побаивались — я говорю о членах его секты, «троцкистах» или «правдистах» — по имени журнала «Правда», который он издавал в Вене. Подобно Рязанову, Троцкий тоже был «не большевик и не меньшевик». Но в отличие от Рязанова, Троцкий был раньше твердым «искровцем», на 2-м съезде партии был сначала «дубинкой» Ленина, а под конец ярам и яростным «меньшевиком», в период революции 1905 года он подпал под влияние Парвуса и стал глашатаем «перманентной революции», но не порывал с меньшевиками до самого ареста Совета рабочих депутатов, председателем которого он был и до суда над Исполнительным комитетом совета, в котором (на суде) он играл заглавную роль. После побега с поселения Троцкий занял «объединительную» позицию в расчете на свой престиж возглавителя первой революционной массовой рабочей организации, заставившей все фракции русской социал-демократии на практике координировать свою деятельность поверх своих тактических разногласий и организационных распрей. Но вне атмосферы реального рабочего движения, в обстановке интеллигентской по преимуществу

эмиграции, в неравном соревновании со «старшими богатырями» российской социал-демократии, как Плеханов и Аксельрод, как Ленин и Мартов, престижа Троцкого «не хватило» для самостоятельной роли, как не хватило его теоретического ума и талантливой гибкости для создания «третьей концепции», синтеза между большевизмом и меньшевизмом. Его «нефракционная фракция» осталась маленьким сектантским кружком, не имевшим большего влияния ни в эмиграции, ни особенно в России.

Разумеется, Троцкий принимал самое активное участие во всех объединительных попытках того времени. Одно время созданная им нефракционная «Правда» была даже превращена в орган Центрального комитета. Но все эти опыты соединить несоединимое кончились неудачей.

С оживлением рабочего движения в России, начиная с 1910 года, фракционная борьба внутри формально единой, но фактически расколотой российской социал-демократии, разгорелась с небывалой силой, захватила рабочую интеллигенцию, проникла в открытые рабочие организации — профсоюзы, кооперативы, просветительные общества — и перекинулась на заводы и фабрики. Борьба с «ликвидаторством» велась всеми дозволенными и недозволенными средствами. У Троцкого в России был один единственный опорный пункт — в Петербурге, где горсть его сторонников издавала небольшой журнал, бледную копию венской «Правды». Эту небольшую и невлиятельную группу насмешливо называли «фракцией» «трех Львовен» — ее возглавителями были бывшая жена Троцкого, Александра Львовна Соколовская, София Львовна Дикштейн и Ева Львовна Бройдо...

<...>³

Я бывал у Троцкого не только по делам. Сильвия была с ним коротко знакома и дружна. Не разделяя его политических взглядов, она видела в нем хорошего и деликатного человека как в его семейной жизни, так и в его отношениях к друзьям.

Троцкий на политической арене был человек позы; в личной жизни он, по-видимому, не был таковым. Жилось ему в Вене очень трудно. Заработка его литературного не хватало на содержание семьи из четырех человек, но ни разу он при мне об этом не обмолвился. При его взглядах и при его подчеркнутым революционном ригоризме ему нелегко было решиться на сотрудничество в легальной русской прессе заработка ради. Он вынужден

был, однако, пойти на это и сотрудничал в «Одесских новостях» и в «Киевской мысли». Не раз застали мы его за писанием статей на дешевой, самой примитивной и неудобной пишущей машинке системы «Миньон», в которой слева находилась пластинка с алфавитом. Троцкий наловчился довольно быстро писать на ней: левой рукой он водил рычажком по алфавитной сетке, а правой нажимал каждый раз на педаль. Жена Троцкого, Наталия Ивановна Седова, милая, приветливая, еще молодая женщина, мужественно переносила нужду, стараясь из нерегулярных и небольших доходов мужа выкроить максимум комфорта для обожаемого Льва Давыдовича и, понятно, для детей. Случалось, что она тащила к нам на другой конец города, чтобы занять 10–20 крон. Когда нас приглашали на ужин, на столе была ветчина, неострый сыр и т. п. — все, что Сильвии можно было есть, и вообще «угощение», хотя мы и знали, что этот сверхрасход будет покрываться сверхсметной экономией на еде в течение нескольких дней. Троцкий был очень радушным хозяином и милым собеседником — без позы.

Жили Троцкие в рабочем предместье, занимая угловую квартиру с видом на незастроенные пустыри. Комната Троцкого была угловая, в три окна, просто, почти бедно обставленная, «собственной мебелью», но чистая: письменный стол у углового окна и книги придавали ей вид кабинета, хотя комната служила им и спальней. На стеклах окон были, помню, наклеены засушенные листья платанов; это придавало комнате менее «сухой» вид...

Жену Троцкий величал по имени и отчеству, но это, быть может, была дань довольно широко распространенному в России среди высших высших классов и интеллигенции обычаю. Жили они, по-видимому, очень дружно. Отцом Троцкий был исключительно любовным и внимательным, дети и в самом деле были прелестные — Левин и Сережа. Младший особенно был похож на мать — те же мягкие, почти крошечные черты лица. Когда Наталия Ивановна приходила к нам с детьми, я обычно после визита провожал ее до приезда, держа в одной руке Сережу, а за другую Левина. Старший ходил уже в школу, и Троцкий полушутя говорил, что его там усиленно обращают в католическую веру.

<...>

Я уже писал выше о том, что у Троцкого в Вене был свой «двор». Раз в неделю Троцкий со своим «двором» бывал в кафе и засиживался до поздней ночи. В этом кафе бывали и видные члены

австрийской социал-демократии. Раза два-три и мы с Сильвией по приглашению Троцкого посетили это уютное венское кафе. Троцкий в таких случаях держался, я бы сказал, патриархально-покровительственно по отношению к своему маленькому клану, хотя и старался быть «на равной ноге»: тут он уже не забывал своего «пафоса дистанции», хотя и не подчеркивал его. Во всяком случае мне лично было при этом как-то неуютно в уютном венском кафе.

<...>⁴

<...> Странное дело — его возмущало больше всего, что большевики дали своей мнимо нефракционной газете название «Правда», то есть то же название, которое носило и венское издание Троцкого!

Троцкий рвал к метал. Он грозил привлечь большевиков к суду Интернационала. Он посылал во все концы протесты без конца. При встречах только об этом и говорил. Он был убежден, что это позаимствование не случайное, что большевики его политически обокрали, что он хотят использовать авторитет и репутацию его венской «Правды», как нефракционного и объединительного органа, для уловления симпатий рабочих масс.

Мне было смешно и досадно. Конечно, большевики не могли не знать, что название «Правда» уже использовано в нелегальной эмигрантской печати и именно Троцким (хотя возможно, что большевики-практики в Петербурге не знали этого или не задумывались над тем, что это название «Правда» уже использовано за границей). Но я хорошо знал, что даже в кругах рабочей интеллигенции Петербурга, Москвы и других городов о «Правде» Троцкого не имеют никакого понятия, или самое смутное понятие, что сколько-нибудь широкие рабочие массы ничего не слыхали о венской «Правде» Троцкого и что авторитет и престиж этого органа не выходит за пределы эмигрантских колоний. Бесплезно было даже пытаться ввести законное возмущение Троцкого в рамки реального вреда, нанесенного его фракционной форме...

<...>

Первомайская демонстрация в Вене поразила меня своей грандиозностью. <...>

Небольшой группой мы сначала стояли в толпе зрителей на тротуаре, чтобы видеть хоть часть этой демонстрации, которой не было конца. Потом мы присоединились к шествию и дошли до Пратера, где демонстранты наполнили все свободное пространство, чтобы

закончить день «на вольном воздухе». За сдвинутыми столиками уселись видные деятели австрийской социал-демократии, делились впечатлениями, закусывали, потягивали пиво. Троцкий, который был с нами, был на этот раз очень оживлен и общителен, шутил, показывал фокусы, вырезал фонарь из апельсина, вообще был «душой общества» — я этого за ним не знал.

<...>

